

Глава 58. Танцы. Часть первая. (Драко)

Оркестр готовился играть что-то медленное и торжественное. Так что, когда вместо задуманного по залу зазвучали первые такты Имперского марша, музыканты были в шоке. Но прекратить играть они не могли: заботливо расположенные в нужных местах совершенно безобидные предметы и «нечаянно» пролитые зелья наконец-таки совместились, превращая помост, возведенный для оркестра в единый артефакт. Так что инструменты по сути играли сами по себе, музыкантам же оставалось только их удерживать.

Чемпионы, которым полагалось пройти к столу, застыли на месте. И только наши славные предводители двинулись вперед. Их простые черные мантии преобразились. С ночной синей тьмы, в которую завернулся Гарри, холодно и недобро взирало на окружающий Огненное око Алого Короля. Серебряные Знаки появлялись и исчезали по всей мантии в хаотическом порядке, причем никогда не было видно более десятой части всей надписи, чтобы, как сказала Морион, «никто сдуру не попробовал прочесть ее, тем более — вслух», дескать, «так можно не только души лишиться».

Мантия же Гермионы преобразилась в вечернее платье, на каждом шаге переливающееся серебром. И только тонкие линии, складывающиеся в восьмиконечную звезду, вороненой тьмой чернели у нее на груди.

А главное — аура. Подавляющая псионическая аура двух псайкеров ранга «альфа» сбивала восприятие, мешала ясно мыслить, и даже, отчасти, колыхала саму ткань реальности на каждый шаг нашей парочки. Конечно, на самом деле наши тела еще не могли выдержать такой мощи. Так что развернуть ауры и поддерживать их Гарри и Гермионе помогали заботливо принесенные из Саграба артефакты. Ведь «война — это путь обмана». «Если ты слаб — притворяйся сильным».

Я посмотрел на преподавателей. Дароу кривился в ненависти, а вот Дамблдор как-то грустно улыбался. Кажется, он был слегка расстроен увиденным... но не более того. Каких-либо сильных эмоций в нем эта сцена не вызывала.

На последнем шаге к столу Гарри и Гермиона погасили ложные ауры, и остались стоять уже почти как обычные мальчик и девочка... Разве что Знаки Хаоса продолжали гореть на их одежде, но без подпитки аурой они выглядели и вполнину не так впечатляюще.

Музыка остановилась, и теперь через зал прошли остальные чемпионы. Флер Делакур сначала злобно косилась на своего партнера, помешавшего ей занять первое место в шеренге... но, когда ей удалось преодолеть шок, вызванный Имперским маршем, она одобритительно покосилась на Роджера, чем ввела его в еще больший экстаз. Мда... если бы ему поручили еще хоть что-нибудь, об этом уже можно было бы забыть. Седрик, частично осведомленный нами о планируемой шалости, твердо вел под руку Чжоу, не обращая особенного внимания на то, что зал бурлил разговорами. А вот Виктор двигался, настороженно зыря по сторонам и явно что-то обдумывая.

— Здравствуйте! — когда Дамблдор поднялся со своего места, в его улыбке не было и следа недавней грусти, но только искреннее расположение ко всем собравшимся. — Сегодня мы собрались на традиционный Рождественский бал Турнира трех волшебников. И, по столь же давней традиции, бал открывает танец Чемпионов. Прошу!

Наблюдать за танцем было... любопытно. Трейси увивалась вокруг холодно-безразличного Крама почти так же, как ее однофамилец* вокруг Делакур. Седрик и Чжоу просто искренне

наслаждались друг другом. А вот в сторону Гарри и Гермионы я старался не смотреть. Они двигались так, что меня охватывало нестерпимое желание схватить Дафну в охапку и впитаться поцелуем в ее губы, наплевав на приличия, репутацию и правила хорошего тона. На пути их взглядов, казалось, вот-вот вспыхнет не то, что воздух, но даже само пространство.

/*Прим. автора: фамилии Роджера (Davies) и Трейси (Davis) пишутся по-разному, но произносятся одинаково*/

После танца Чемпионы расселись среди организаторов Турнира. Перси Уизли, бросив злобный взгляд на Гарри, стал громко рассказывать оказавшейся по соседству с ним Чжоу о том, что его назначили помощником Крауча, а сам Великий Человек Крауч (тут мне живо вспомнились рассказы Гарри о Хагриде и Великом Человеке Дамблдоре), заболел и отправил вместо себя — его, Перси, чем выказал невиданное доверие. Гарри и Гермиона сосредоточенно ели, делая вид, что не слышат токования Персиваля (при том, что его отчетливо было слышно даже за столом Слизерина). Но не приходилось сомневаться, что каждое слово будет услышано, запомнено и проанализировано.

После обеда* Дамблдор взмахнул палочкой, и пространство, ранее вполне достаточное для танца четырех пар, расширилось, приглашая потанцевать всех желающих. Я взял Дафну за руку, и, дождавшись подтверждающего кивка, поднялся на ноги. К тому моменту, когда мы подошли к тому, что магглы назвали бы «танцплощадкой», там уже кружились несколько пар, и Гарри с Гермионой, разумеется, были среди них.

/*Прим. автора: разумеется, имеется в виду dinner, т.е. прием пищи около 8 часов вечера*/

Лаванда Браун, кружащаяся в объятиях первокурсника, с трудом достававшего ей до плеча, смотрелась несколько забавно... Но, видимо, не с точки зрения Рона Уизли, бросавшего на парочку злобные взгляды. Лаванда в ответ посматривала на него и торжествующую Марту испуганно. Сам же Деннис Криви этой перестрелки взглядов не замечал. Факт того, что он танцует на балу «как взрослый», доставлял мальчишке столько удовольствия, что он сейчас мог бы не заметить даже попавшего в него ступефая. К тому же, злобный демон Ксенос Морион, ловко маскирующийся под кумира братьев Криви, Гарри Поттера, одобрительно кивнул Деннису, немного демонстративно прижал Гермиону к себе и сдвинул руку, лежавшую на талии девушки чуть ниже, чем это рекомендовалось этикетом, поощряя Криви еще сильнее позлить и Рона, и Лаванду. Правда, пока что первокурсник не решился последовать примеру своего идеала, но, глядя на то, как Гермиона радостно прижалась к партнеру, кажется, дозревал до этого.

К некоторому моему сожалению, музыка закончилась немного раньше, чем Деннис созрел для решительной атаки. Гарри и Гермиона ушли с площадки, направившись к одному из столиков с напитками, и Дафна повела меня туда же.

Подавая Дафне столь полюбившийся мне вишневый сок, я безо всякого удивления заметил, что к нам приближается директор Дамблдор.

— Гарри, нам надо поговорить, — строго сверкнул он очками-половинками.

— Я Вас внимательно слушаю... — кивнул Гарри.

— Зачем? — спросил директор, явно имея в виду сегодняшнее представление.

— Я сильно задолжал своим покровителям, — наивно улыбнулся Гарри. — И, если в качестве ответной услуги от меня попросили всего лишь прийти на бал с их символикой, то почему бы и

нет?

— Гарри, — вздохнул Дамблдор, — я не об этом, хотя, конечно, приходить на школьный бал в одежде со знаками Тьмы — это не слишком хорошо. Я об ауре Силы. Надеюсь, ты понимаешь, что эта сила — иллюзия? И что не следует поддаваться ее эйфории?

— Силы? — «удивился» Гарри. — Какой такой «Силы»? — Он щелкнул по одному из серебряных украшений, и зал вновь придавила аура Альфы. — Это же так, шутка... чистая иллюзия, — еще один щелчок, и аура снова свернулась. — Так что единственной эйфорией, которой я испытал — было удовольствие от созерцания отражения в полированных рыцарских латах кое-чьего перекошенного лица.

— Гарри-Гарри... — Дамблдор со вздохом покачал головой, посмотрел на танцующего в другом конце зала Виктора, и продолжил, — ...нельзя же быть таким злопамятным! Худшие чувства, подобные жажде мести, злобе, жадности... Злу и Хаосу так легко зацепить за них, и привести человека к падению во Тьму, из которой уже не будет возврата!

— За лучшие чувства зацепить не менее легко, — набылся Гарри. — По крайней мере, испытывая злорадство, я знаю, что это — плохо, и смогу с этим бороться. А вот если решу, что, скажем, все, что я делаю — это для общего блага... Тогда убить одного ребенка, подставить другого, предать соратника — это все легко. Ведь это ради добра. А если подавить в себе все чувства — то и вовсе станешь злом во плоти.

— В твоих словах есть доля истины... — вздохнул Дамблдор, грустно посмотрев на Дароу, поглощенного разговором с одним из гостей. — И хорошо, что ты задумываешься о таких вещах, а значит — в твоей душе есть еще место для света...

— В моей душе всегда есть место для Пламени Хаоса, — усмехнулся в моих мыслях, и, подозреваю, в мыслях всего Внутреннего круга, Ксенос Морион.

— ...но все-таки, будь осторожен...

— ...ты что делаешь, ублюдок! — прервал тихие увещевания вопль Рона. — Я ж тебя...

— Мистер Уизли, — прервал начинавшуюся истерику спокойный голос Макгонагалл, — подобные угрозы в адрес первокурсника Вас никоим образом не красят.

— Да Вы видели, что он... — захлебнулся яростью Рон.

— Видела, — спокойно ответила Макгонагалл. — И должна сказать Вам, мистер Криви, что подобные небольшие вольности все-таки уместны при танце с более к Вам расположенной девушкой. Так что, высказав Вам свое неодобрение, мисс Браун была бы права, — Марта кинула на Лаванду торжествующий взгляд, заставивший ту сжаться и испуганно, и виновато посмотреть на Рона. — Но ни сколько-нибудь серьезным нарушением этикета, ни, тем более, основанием для устроенной Вами, мистер Уизли, сцены ревности они не являются!